

Когда все казаки откровенно и ясно выскажут свои сокровенные мысли, когда из столкновений этих мнений неизбежно родится казачья истина, которая неумолимо заставит всех казаков стать под знаменем Вольного Казачества, тогда все наши споры быстро стихнут, тогда все с душевной радостью единым хором запоют:

... и только одно лишь желанье,
Один лишь порыв запылал в нас огнем —
Отдаться на крест, на позор, на страданье,
Но только бы дрогнула полночь кругом!..

7 июля 1932 г. Париж.

Шамба Балинов.

Вынужденный отклик.

„Лозунг „Единая, Неделимая“ был чужд и не понятен Казачеству. За честь Дона и вольности казацки — вот лозунги, воодушевлявшие казаков“... (Гр. Чапчиков: „Голос Казач.“, № 24).

„Казаки боролись не за трон императора, а за Дон и вольность“... (Гр. Чапчиков: „Г. Казачества“, № 25).

Из присланной мне „Советом Казачьего Центра Союза Младороссов“ листовки я с изумлением узнал, как на казачьего „перекати-поле“, полк. Г. Чапчикова, „Провидение возлагает всю ответственность за происходящее и славную задачу совершить историческое чудо“. Так и пишет: призван „совершить историческое чудо“...

А чтобы этот самозванный „посланник Провидения“ успешно выполнил свою „мессианскую задачу“, ему нужно иметь „казачий рупор — независимую казачью газету“, целью которой должна быть „борьба до полной победы... с предателями самостийниками“. Таким образом, как будто выходит, что само Провидение нашло нужным избрать „своего посланника“ для специальной борьбы с В.К. Это, как будто, не плохо, если само Провидение уделяет нам, самостийникам, столь исключительное внимание. К сожалению, дело обстоит совсем не так, а всего лишь некоторые не совсем нормальные люди сами навязываются Провидению в качестве его земного „посланника“.

Как то не вяжется: посланник Неба, нуждающийся в издании бульварного листка! Чтобы этот листок выходил, оказывается, казаки должны „немедля, не стесняясь размером, не скупясь“ присылать свои пожертвования для образования фонда в 10000 к. ч., а „пражские казаки собрали уже половину требуемой суммы“, т. е. 5000 к. ч.

Но удивительно во всем этом то, что, ставя своей главной целью борьбу „до полной победы“ с самостийниками, к числу коих принадлежу и я, эти „борцы“ у меня же просят деньги на организацию их „дела“.

Читая эту листовку, в которой так „талантливо“ нагроможден целый ряд несуразностей и неправд, у меня на языке невольно вертелась Надсоновская строчка:

Лги — людям ложь нужна...

Ибо я отлично знаю, что из себя представляет этот „посланник Проведения“, кто его окружает, также знаю, что ни один разумный казак не только 5000, но и пяти к. ч. ему не доверит. Истина же по моему заключается в том, что для организации „борьбы“, вернее, для сбора и печатания всевозможных уличных сплетень, распространяемых досужими бездельниками о В. К., отпущено Чапчикову неким „тонким дядей“ 10000 к. ч., а для легализации этой „хозяйской дачки“ ему необходимо разыграть эту комедию сбора и так неумно расписывать о несуществующем казачьем порыве, вызванном, якобы, „прекрасным примером“ Чапчикова.

Из газеты „Младоросская искра“ (№ 18) я узнал другую поразительную новость, а именно, что Союз Младороссов „имеет выдающихся руководителей“ в лице Чапчикова, который произносит „блестящую, как по содержанию, так и по форме, речь“...

Думаю: плохие же времена настали, если Провидение для совершения „исторического чуда“ своим посланником избирает Чапчикова. Еще хуже, наверно, обстоять дела в Союзе Младороссов, если в нем Чапчиковы в своей персоне олицетворяют Муссолини и Бриана одновременно!

Но человеческие слова имеют какую то силу и я, несмотря на хорошее знание Чапчикова, все же порой думал: м. б. за те два года, что я не видел Чапчикова, в силу особой милости Провидения (в наше время ведь все возможно!), он из общепризнанного „казачьего шу-та“ в Праге как то сумел сделаться политическим деятелем?

Для проверки этого моего сомнения мне нужно было прочитать его современные писания, т. е. необходимо было прочитать его газетку „Каз. Набат“, обещанную им „в начале апреля“ и предназначенную на роль тарана, разбивающегося В. К. Должен признаться, что мои и моих друзей трехмесячные старательные поиски оставались до сего времени тщетными: в районе Парижа мы не могли найти ни одного экземпляра „К. Н.“.

И только теперь, в половине июля, при своей поездке в Монтаржи для собеседования с казаками, мне удалось найти два экземпляра этой пресловутой газетки (№№ 3 и 4). Прочитал и, как все казаки, от души расхохотался. Поистине — „жив Курилка“!

Эти два номера являются неопровержимым свидетельством того, что наш бравый и компанейский полковник, каким взбалмошным и сумбурным человеком зарекомендовал себя на пражской казачьей „общественной сцене“ вначале, таким остался и до наших дней. Впрочем есть одно „достижение“: раньше он был хорошим товарищем по кружке пива, но сильно враждовал с логическим рассуждением, а теперь он еще заключил тесный союз и с ложью. Но удивительнее всего, что даже такой Чапчиков с своим новым „достижением, по неисповедимым путям Господним, числится в числе „выдающихся руководителей“ Союза Младороссов. Каковы же должны быть остальные?

Что в голове этого „выдающегося руководителя“ ветер веет, свидетельствует хотя бы передовица его листовки, начинающаяся так: „Вековое Казачество должно жить Века!.. В этом высшая справедливость Провидения и закон. Слабое умирает, сильное выживает... Это значит хотеть и сделать... Разрушительный период революции кончился“... Дальше все в таком же роде. Без внутренней связи, „ни к селу, ни к городу“ нагроможденные друг на друга ходячие „истины“. Одним словом Чеховский герой, любивший изрекать „истины“ в роде того, „что спускаться с горы легче, чем подняться“. При всем желании говорить об его казачьей „идее“, ее никак нельзя уловить из его писаний, поэтому приходится беседу свою направить только на его персону.

Что „посланник Провидения“ Чапчиков заключил прочный союз с ложью явствует из всей той сплетни, какой заполнены все страницы двух номеров этой газетки. Чего, чего только в ней нет! И до чего же может пойти больная фантазия людей! В своем ослеплении ненавистью люди перестали понимать всю неприличность бесцеремонного вкладывания в уста своих противников своих дум и фантазий, как это делает „Каз. Набат“, наделяя вольных казаков никогда не снившимися им словами или делами...

Смысл всей этой сплетни сводится к следующему: руководители В. К. продались кому-то за определенную плату и обязались перед „странной покровительницей“ разлагать Казачество [кому это нужно — секрет Чапчикова!]

Такую „теорию“—клевету пустил в ход еще в 1928 году ген. Богаевский. Она, не достигнув своей цели медленно умерла. Ныне ее подхватывает „послани-

Провидения“ и, сладострастно смакуя, нудно пережевывает. В просгоречьи эта „теория“ называется чистой ложью. На нее В. К. уже много раз давало исчерпывающе ясный ответ. Поэтому нет надобности на нее отвечать еще раз.

Всякий спор с своими политическими противниками можно вести, не вызывая раздражения у читателей, только на основе идеи, а не путем измышления всевозможной клеветы, неблиц и взаимного личного поношения. Поскольку мы уважаем своих читателей, постольку мы обязаны щадить их слух, их казачье самолюбие, отказавшись совершенно от перемывания грязного белья, от фрондирования своим знанием извозчичьего жаргона.

Но, само собой разумеется, избобличать идейную неустойчивость, часто полную идейную пустоту своих противников необходимо, чтобы такие „летуны“ своей пустозвонной фразеологией или несбыточным обещанием не смутили хотя бы одного „из малых сих“.

Именно поэтому, чтобы не огорчать читателей „ВК“ спуском до морального уровня газеты „Каз. Набат“, которая свою неразборчивость в средствах борьбы со своими противниками доказала хотя бы одним тем, что, несмотря на последовавшие категорические опровержения, пытается связать В. К. с гнусным убийцей Горгуловым, для чего возвращается к клевете газеты „ПН“ и уже от себя, в более утвердительной форме пишет „о тесной связи Жукова с убийцей Горгуловым и о сношении с большевиками“ (может быть, с больной головы на здоровую?) — я не считаю для себя возможным и нужным реагировать на ее „разоблачения“, сильно смахивающие на бред больного.

Да, собственно говоря, нам с „младотурками“ и спорить то не о чем. Как правильно заметил станичник Ш. Нимино в „ВК“ № 108—109, мы преследуем совершенно различные цели. Для нас выше всего Казачество, а для них выше всего — „природный царь“. Мы считаем Кондратия Булавина выдающимся Донским Атаманом, а его деяния — героической освободительной борьбой Казачества, а „младотурки“ считают его простым бунтовщиком, его действия — „Булавинским бунтом“ („КН“, № 3). Таким образом, между нами нет никакого идейного соприкосновения, у нас различное понимание и освещение исторических событий, как столь же различные преследуемые нами цели. Кто из нас прав, кто виноват — судит будут другие, покажет будущее.

Но все же необходимо сделать два-три замечания, не лишенных общего интереса и достаточно характеризующих „редактора“ „К. Н.“

1. В журнале „ВК“, в отделе „Думы и мысли“ со служивец Чапчикова, Ив. Болдырев, в заметке, состоящей ровно из 12 строчек, высказал свое частное, правда, довольно нелестное мнение о личности Гр. Чапчикова. Достаточно было этой коротенькой заметки, чтобы Чапчиков разразился „громовой“ статьей на весь „подвал“ своей газетки, в которой беспредельное самовосхваление каким то причудливым узором переплелось с беззастенчивой ложью.

Начать хотя бы с того, что частное мнение Болдырева о личности Чапчикова, последний так неудачно демагогически выдает за взгляд всего ВК, с одной стороны, а с другой — свою собственную персону он отождествляет со всем Донским Казачеством и на основании этой коротенькой, мимоходом данной личной характеристики Чапчикова, называет всех вольных казаков „хулителями Казачества“. При этом ссылается на свидетельство большевиков, которые пишут, что „Донское командование совершенно не страдало кровожадностью“.

Но ведь для каждого ребенка ясно, что Донское командование — это одно, а совсем другое дело — Гр. Чапчиков. Впрочем, человеку, претендующему на роль „посланника Провидения“, ничего не стоит поставить себя выше любого командования.

Чтобы сразу „пригвоздить“ самостийников к „позорному столбу“, этот „посланник Провидения“, не моргнув глазом, рискуя попасть в комическое положение, прибегает к помощи необыкновенного „трюка“ и рука его, не дрогнув, выводит, что самостийники вы-

ставляют казаков „беспощадными грабителями, нагаечниками, насильниками, убийцами“ (при чем, слова эти он берет в кавычки без указания источника. Очевидно для того, чтобы читатель их воспринял как самостийническую характеристику вообще казаков) и от себя уже добавляет: „это их (т. е. самостийников. Ш. Б.) обычный прием, введенный в систему“.

Все таки странно, как некоторые типы основательно утратили чувство стыда. Ведь для каждого нормального человека ясно, как Божий день, что самостийники все свои усилия направляют к тому, чтобы рассеять ошибочный взгляд на казаков, как на „беспощадных грабителей, нагаечников, насильников, убийц“, так основательно привитый прошлыми „старороссами“ и так старательно утверждаемый современными „младотурками“. Ведь освобождения от всего наносного и восстановление подлинного казачьего образа в его чистом виде является одной из основных задач В. К., что известно каждому, кто еще не стал „лицом ко лжи“. В этом вольные казаки видят свой сыновний долг перед своим народом не в силу мифического, существующего в фантазии Чапчиковых „договора с покровителем“, а в полном согласии с своей казачьей совестью, толкаемые своим казачьим убеждением, одухотворяемые священной идеей казачьей независимости.

2. Кстати, об обязательствах „по договору с покровителем“. Стараниями разных „летунов“ творится легенда о договоре, якобы, заключенном руководителем ВК с „покровителем“, в силу которого они, мол, связаны по рукам и ногам и не в состоянии защищать подлинные казачьи интересы. Мы знаем, что у противников ВК не имеется никакого идейного „оружия“ для борьбы с ним. На их долю остается только единственное средство: измышлять всевозможные неблицы, выдумывать не существующий „договор“. Тем не менее, уже много раз лидерами ВК заявлялось, что никакого „договора“, связывающего их, не существует, что в своей политической работе они совершенно свободны и ни от кого не зависимы, что поступают они согласно своего понимания казачьих интересов.

Но совсем иначе обстоит дело у казачьих „младороссов“. Они действительно связаны и по рукам и по ногам, превратились в безвольных исполнителей чужой воли, чужих приказов, в чем они сами публично на страницах газеты „Младоросская Искра“ (№ 18) дали обязательство. Они „обещают полным напряжением всех своих сил бесперебойно и своевременно выполнять все задания руководящего Центра“, т. е. обязались беспрекословно выполнять приказы того самого „тонкого дяди“, который им дал средства на издание „Каз. Наб.“

Отсюда становится совершенно ясным, что вся та дребедень, какой заполнен „К. Н.“, является „бесперебойным и своевременным выполнением“ „социального заказа“ „тонкого дяди“!

„Взялся за гуж — не говори, что не дюж“! Взял подряд и обязался — так вилай хвостом! Коверкай свою казачью душу, извращай свой казачий облик, насильуй свою казачью совесть, но утверждай, что белое есть черное, безудержно клевети на тех, в ком сохранилась „казачья искра“, кто исповедует вольноказачью идею.

И мы можем спросить казачьих „младороссов“ словами же Чапчикова: „место ли боевым казакам среди предателей Казачества“ — обязавшихся „выполнять все задания“ „тонкого дяди“?

Впрочем, мы отлично знаем, что там и казаков то, как „кот наплакал“...

3. — „Все молодое душой, энергичное, бодрое, смелое, бескорыстно любящее свое родное Казачество должно незамедлительно вступить в железные ряды казаков-младороссов и верных долгу... Послужим Государю хорошо. И тем исполнится высшая воля Провидения“.

Так сейчас заканчивает свою передовую статью Гр. Чапчиков.

— „Дружно за работу все молодое, энергичное, смелое, все лучшее, способнейшее и любящее Казачество! Вперед за Казачество и за вольность!“

Так писал тот же Гр. Чапчиков в самостийной газете „Голос Казачества“.

Если обратить внимание почти на полную тождественность обоих предложений, то не подлежит никакому сомнению, что Чапчиков конец своей передовой списал с своей же статьи в самостийной газете. Лишь „слегка“ изменил конец предложения, сущий „пустяк“: вместо „вперед за Казачество и вольность“ вставил „п о с л у ж и м Г о с у д а р ю х о р о ш о“.

О чем же это свидетельствует? Да о том же, что у него убеждение, что дышло: куда повернул, туда и вышло. Позавчера в самостийной газете проповедовал независимость, казачью вольность; вчера в сменовой газете „Новая Россия“ распинался, доказывая необходимость возвращения в СССР, понося всех генералов, как мне передавали казаки в Париже; а сегодня бездыханным трупом распластался перед эмигрантским „социальным монархом“. А завтра... да не все ли равно перед кем ему танцевать, а „музыкант“ всегда найдется!

И прав его сослуживец по Калединскому полку, который мне говорил: не обращайтесь на него. Ведь все мы его знаем. Сегодня он поет дифирамб Кириллу, а завтра он с не меньшим рвением будет его же поносить...

Прав другой сослуживец, говоривший мне: не связывайтесь с ним, не пишите о нем ничего. Этим вы ему доставите большую радость. Ведь его девиз: пусть ругают, но лишь бы говорили и писали обо мне!

Знаю это и я, именно противно писать о нем. Но ничего не поделаешь, писать хоть раз надо. Ибо на его „писания“ и „авторитетное свидетельство“ будут ссылаться другие для „обоснования“ своего поношения ВК.

4. Некоторых людей калмыки определяют словами „зюлак-мэкчи“, т. е. обманщик, прикидывающийся дурачком. Это определение можно всецело отнести и к казачьим „младотуркам“. Они между глупостями, развешиваемыми на страницах своей листовки (например,

что может быть глупее их „боевого“ лозунга: „самостийничество есть казачий большевизм!“) нет, нет да и „огараживают“ себя. Так, они, предупреждая возможные указания своих противников на истинность их „вермишельной“ идеи, в применении к Казачеству становящуюся бессмысленностью, спешат зарекомендовать себя бескорыстными служителями только „идеи“. При этом находит, например, такой довод, что они „не спрашивают, кто автор этих идей — Достоевский или Ленин, Тихомиров или Маркс и т. п. Им важнее не имя автора, а полезность самой идеи для блага России“ („КН“, № 3).

Но вот странно: эти членораздельные слова сразу превращаются в нечленораздельные мычания, когда речь заходит о ВК. Тогда они — идею по-боку и всю свою речь сводят к простой „купле-продаже“. При этом слезы горькие льют по поводу того, что те кобображаемые миллионы, которые, по их мнению, попали ВК-ву, не попали в их руки и за которые, по их мнению, не распропагандировать, а буквально купить можно было все зарубежное Казачество!

Проститутки, торгующие своим телом, определяют только свою „цену“. А вот казаки „младотурки“ этим не ограничиваются, а решили, что „все зарубежное Казачество“ продажно и почти точно определили его валютную стоимость... в 5 миллионов чешских корон.

Думается, что казаки за выставление „всего зарубежного Казачества“ в таком свете не очень-то благодарят „младотурков“.

Избави, Боже, ВК от необходимости вести полемику с подобными типами!

Лично для меня по горло достаточно и того, что пришлось столь много чести оказывать им настоящей своей заметкой. Впредь они пусть хоть на голове своей выбивают чарльстон, но снова откликаться на их обезьяньи выходки считаю ниже своего вольноказачьего достоинства!

Аминь!

И. Билый.

Полк. Соламахину и „К. К.“

Передо мною июльский номер „Кавк. Казака“, „повышенный“ В. К. Все содержание, тон, характер и стиль „статей“, направленных против вольноказачьего движения, еще раз свидетельствуют о том, что аргументов против ВК программы у наших противников нет. Сейчас они уже только ругаются. Это — лишнее доказательство тому, что в своем походе против В. К. они могут выявлять вообще больше „темперамента“, чем логики.

Прочитав весь восьмой номер „К. К.“, я очень мало мог бы прибавить в своем ответе ему к тому, что уже сказано в номере 107 „В. К.“ Да и самый „тон“ полемики, принятый „К. К.“, весьма мало привлекательный и еще меньше заслуживает подражания. Мы все же убеждены, что наш основной спор с противниками ВК программы решится именно на вопросах программы и идеологии, а не на поле — хотя бы и „сочной“ — перебранки.

Не имея намерения следовать за „К. К.“ в его „методах“ борьбы с нами, мы на будущее время ограничимся полемикой только по основным вопросам программы ВК, оставляя без ответа всю часть „сильных выражений“, не боясь признать в этой области пальмы первенства своим противникам...

Случилось так, что в день получения „К. К.“ я, среди другой корреспонденции, получил письмо и от неизвестного мне читателя-казака. Июльский номер „К. К.“, редактируемый представителем казачьей старшины русского толка (вообще о казачьей старшине выскажемся особо), читатель уже, конечно, знает (кто не знает, тот тоже ничего не потеряет). А что пишет мне простой казак, я позволю себе здесь привести:

М. Г. господин Редактор! Находясь в Бельгии с декабря мес. 1929 г., я с того времени стал понемногу

читать милый для меня Ваш журнал „ВК“ и, в конце концов, теперь читаю регулярно. Будучи в Сербии и находясь в рядах „русской армии“ и вне рядов ее, я ни разу не встречал Вашего журнала и не знал о Вашем благом намерении. Не было случая, чтобы кто либо из наших „вождей“ когда либо намекал о тех путях для возрождения чисто казачьего самостоятельного государства, которые Вы проведете, как я теперь узнал, еще с 1927 г. Теперь же, поняв Ваши святые цели, я не могу сказать, что у Вас кроется корыстная мысль. Неоднократно мне приходится говорить с москалями и „кацапами“ о нашем стремлении и они, эти „типы“, говорят мне противное. Что де мол „там ваш Билый что то затевает неосуществимое и что он пишет, — то все это голословное“. Меня, как казака, это страшно коробит и я становлюсь в защиту своего Казачества, доказываю то, что Вы наметили путь правильный и казаки должны всецело это понять и поддержать Вас в этом начинании. Но это (говорят против) противники и быть может наши цели непонятны для мужиков. Почему же, все-таки, до сих пор не могут взять в толк наши некоторые казаки... и все еще не могут стать на свой казачий путь...“

Итак, передо мною два документа: „К. К.“ с страстным желанием представителя руссофильской старшины скорейшей смерти вольноказачьего движения и письмо простого казака (таких писем в действительности уже тысячи) с оценкой-поддержкой: п у т ь п р а в и л ь н ы й . . .

Оценка и желания, как видите, прямо противоположны. — С кем же нам? Кому служить? — Мы свой выбор сделали и сделали его раз навсегда! Мы пойдем и впрямь с казаками и той частью казачьей старшины, которая хочет вести свой народ и служить ему, стро-